

ЛЕВ ПРЫГУНОВ:

«У МЕНЯ БЫЛО МНОГО СТРАСТЕЙ, НО Я ПОМНЮ ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ»

Имя актера Льва Прыгунова — целая киноэпоха для нескольких поколений. Это герой Гражданской войны комсомолец Виталий Бонивур, зверски замученный белогвардейцами. Это Ричард из «Иду на грозу», Француз из «Трактира на Пятницкой». Всего в его фильмографии более ста фильмов. Перед разговором актер и художник предупредил: «Знаете, в Китае есть гениальная поговорка: говорящий не знает, знающий не говорит. Поэтому все, что я говорю и скажу, это полная ерунда. Потому что все, что знаю, я никогда не скажу. Просто не смогу сказать».

— Лев Георгиевич, есть же вещи, которые не требуют философского осмысления и обоснования. Например, детство, отрочество, юность или решение пойти в театральный, а не на завод, первая любовь, жены, дети, роли...

— Мой дед был священником. В девятнадцатом красные его за волосы таскали через всю деревню по грязи на расстрел. Но его отбили верующие. После этого дед занемог и через неделю умер. Семья вынуждена была спасаться бегством — так родители оказались сначала в Ташкенте, а потом переехали в Алма-Ату.

Отец у меня был биологом, орнитологом и потрясающим таксидермистом — делал гениальные чучела из любой птицы. Он и меня научил. К сожалению, папа погиб — разбился в горах, когда мне было десять лет, и умер у меня на руках. Вообще, это очень темная история...

Отец оставил мне два ружья, прекрасную библиотеку по биологии. Каждый день я вставал в шесть утра и уходил в горы. Один или с ребятами. У нас была компания парней, из которой все потом стали биологами, кроме меня. Мы были фантастическими практиками — могли за километр узнать любую синицу, дрозда, дубоноса или урагуса по звуку или траектории полета.

— Почему же вы не продолжили семейную традицию?

— После школы я поступил в пединститут и два года отучился на биолога. Но за эти два года многое в моей жизни изменилось. Во-первых, я оказался невероятно влюбчивым, а во-вторых, встретил компанию, которая была умнее всех в городе, и в первый же день понял, что был полным идиотом.

— В каком смысле?

— Я был очень хорош собой, очень резкий, думал, что я очень остроумный. Один день продержался на своих штампах, а потом этого стало не хватать. Я жил, как Маугли — целыми днями в горах, птичек изучал, стихов не знал, хотя мама моя была преподавателем литературы, и я, как мне тогда казалось, был идеально подкован по классике.

— Это была местная «золотая» молодежь?

— Это были студенты филфака — интеллектуальная молодежь. Любители джаза, стилиаги, все, естественно, были пижонами... Но

главное — блестящие знатоки литературы, поэзии, истории, кино, музыки. Когда я стал общаться с этой компанией, то прочитал несметное количество книг — открыл для себя Бунина, Куприна, всего Бальзака перелопатил, все-рез увлекся импрессионистами. Примерно к этому времени я понял, что из меня педагог никудышный и надо искать что-то свое. Спасло то, что я все очень быстро схватывал, впитывал как губка. Еще повезло — видно, через гены передалось — я всегда сторонился пионерии, комсомолии. Мол, я занимаюсь птичками и оставьте меня в покое. И меня не трогали.

— Почему вы вдруг решили стать артистом?

— Просто понял, что могу играть, что это мое. У меня было очень много энергии — я читал стихи, выступал в школе, и многие говорили: «Ты должен стать артистом». Я сначала отвечал: «Какая сцена?!» А потом созрел.

— У вас был необычайно яркий дебют — «Увольнение на берег», «Утренние поезда»... Почему потом вас долгое время не снимали?

— Это не так или не совсем так. Меня снимали всегда, по две-три картины в год, просто меня не снимал «Мосфильм».

— Почему?

— После «Увольнения на берег» и «Утренних поездов» я сыграл у Джузеппе Де Сантиса в картине «Они шли на восток». По первоначальному замыслу роль Бадзочки должен был играть Антони Перкинс — величайшая звезда Америки. Но он потребовал около миллиона долларов, что тогда было не по карману ни «Мосфильму», ни «Галатее». Тогда на эту роль приехал сниматься молодой Питер Фальк (позже знаменитый Коломбо). У него был контракт на 100 тысяч долларов. Он приехал в Полтаву, но режиссер посмотрел и сказал: «Его я снимать не буду!» Случайно подсунули Де Сантису мою фотографию. Меня срочно отыскали и утвердили на роль.

— Это один из первых совместных кинопроектов с капиталистами?

— Именно так и было. Наша группа была больше ста человек, а кормили нас, как скотов — вари-

ли еду в двух котлах, и в сорокаградусную жару к ним выстраивалась очередь. А итальянцев кормили отдельно — в вагончике. Главный гэбист картины — второй режиссер — все время мне читал нотации: «Ты ни в коем случае не имеешь права даже близко подхо-

— Но вы же сыграли в румынской ленте «Туннель»...

— Туда попал просто чудом. Режиссеру Мунтяну сказали, что я пьяница, больной и сумасшедший, и вдруг мы сталкиваемся с ним на киностудии: «Будешь у меня сниматься?» — «Буду».

Это был 1966 год, только что к власти пришел Чаушеску, и наши срочно хотели завязать какой-то культурный контакт. Тогда сказали: «Да ладно, пусть снимается!»

Причем слава у меня была фантастическая. Я снялся тогда еще у Хуциева в фильме «Мне 20 лет», где сыграл отца главного героя. После этого в картине «Иду на грозу» сыграл небольшую роль Ричарда. «Трактир на Пятницкой» в первый год посмотрели 70 миллионов зрителей, и успех у фильма был колоссальный. Потом как-то чудом меня пропустили в «Дети Дон Кихота», потому что актер заболел, и картину зрители тоже приняли с восторгом. Хотя, на мой взгляд, это не самый лучший фильм... Еще был фильм Булата Мансурова «Картина» по роману Гранина, где я сыграл главную и свою лучшую роль. Его один только раз в 1985 году показали, и он попал в какой-то непонятно чей «черный список». Потрясающий

фильм — с Кадочниковым, молодой Леночкой Цыплаковой, Майей Булгаковой, Сергеем Балашовым...

— Интересно, после суперуспешной историко-революционной картины «Сердце Бонивура» вас чем-нибудь наградили?

— Даже грамоты не дали. И вы не найдете нигде даже упоминания о фильме — о нем вообще не писали, как будто его не было. Их не обманешь — эти ребята видели, что и фильм, и герой чужие. Да, ленту регулярно показывали, потому что народ требовал. Между прочим, написал эту повесть писатель Нагишкин. А я знал его дочку — Иру Нагишкину. Она мне рассказывала, что папа получил задание что-то героическое написать, получил деньги... В каких-то архивах нашел только фамилию, все остальное придумал. После того как вышла книжка, на Дальнем Востоке местные власти зашевелились, Бонивуру даже поставили памятник. А уж после выхода картины что началось! Откуда ни возьмись вдруг «нашлись» родственники всех действующих лиц, все наследники славы бойцов несуществовавшего отряда Топоркова...

— Как большинство правдоискателей, вы, наверное, еще и драчун?

— Я очень вспыльчивый человек, у меня очень плохие нервы. Могу мгновенно взорваться и тут же быстро обмякнуть. Это очень серьезный вопрос. Но поскольку я

занимался ушу, у меня сейчас не бывает никаких агрессивных ситуаций. У меня нет страха, и поэтому — тьфу-тьфу-тьфу — я хотя человек нервный, но... веселый, смешливый. Люблю смешить людей... Есть замечательная китайская поговорка: позорно быть богатым и знаменитым при плохом правлении и безвестным и нищим при хорошем. Вот нынешнее правление, безусловно, лучше советского — советская власть сделала из людей мутантов.

— Какие ваши жизненные законы?

— Не врать и не воровать. Это очень серьезные законы, да? Для России. (Смеется.) И быть самим собой. Всё!

— Лев Георгиевич, вы известны и как большой сердцеед...

— Во-первых, бывший... Люди путают страсть с любовью, а это разные вещи. У меня было много страстей, но я помню только любовь. Любовь — тихая, прочная и мощная. Страсть очень близка к ненависти и разрушению. Это болезнь, как алкоголизм, как наркомания. Страсть — это бес, грубо говоря. А любовь — это ангелы, тоже грубо говоря. (Смеется.)

По этому поводу я могу сказать только одно: у меня была очень бурная молодость. Но, слава богу, я вовремя встретил свою любимую жену Ольгу. Я ее обожаю — мы вместе уже 22 года. О семье и личной жизни вообще не хочу говорить ничего. У меня прекрасная личная жизнь. Сын от первой жены работает в кино, он режиссер. Мы с ним хорошие друзья.

— Чем занимается супруга?

— Она занимается тем, что она — моя жена. Жена — это ее профессия. Правда, еще она сейчас занялась живописью.

— Вы ведь тоже рисуете. Давно начали?

— Живопись меня всегда привлекала. В 12-летнем возрасте я даже брал уроки у одной хорошей художницы, которая была в Алма-Ате в эвакуации. Потом она уехала, и мои уроки прекратились. Но я учился всегда и везде. Куда бы ни попадал, находил музеи и галереи, бывал на выставках, дружил с художниками. Но никогда не думал, что всерьез займусь этим делом. Рисовать начал в перерывах между съемками. И незаметно втянулся. Однажды друг пригласил меня в Америку, я взял с собой несколько картин — и все их купили. На эти деньги я больше года жил в Лондоне и полгода — в Париже. Пока остановился на натюрморте. Но моя мечта — портреты.

— Как вам удается поддерживать такую блестящую спортивную форму?

— Любый актер должен выглядеть моложе лет на десять как минимум. Это его обязанность. Как? Я никогда об этом не задумываюсь. Живу вольно. Это, я считаю, самая большая хитрость. Жить вольно, делать только то, что ты хочешь, несмотря ни на что. Как сказал Александр Сергеевич: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». У меня есть и то и другое. Нет денег, но есть воля... (Смеется.) Еще занимаюсь восточной философией и китайской гимнастикой тай-цзи-цюань.

По материалам
информгентств.